

A photograph of a family in an autumn park. A man with a cane sits on a bench, looking down. A woman stands behind him, holding a camera, and a young girl stands to the right, looking at the camera. The ground is covered in fallen leaves.

Юрий Краюшкин
Вне кадра

*История одной жизни,
снятой на плёнку
и переснятой заново*

Юрий Краюшкин

Вне кадра

<https://litres.ru/74507137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он снимал фестивали, соревнования, праздники. Мог отснять две тысячи кадров за день. Играл в пейнтбол по выходным. Жил на полной скорости. А потом не смог вылезти из ванной. Рассеянный склероз. Полтора десятка очагов. Трость. Фотоаппарат — в кладовку. Пейнтбол — под запрет. Всё, что было «до», закончилось в один день. Но жизнь не остановилась. Она просто пошла медленнее. И в этой медленности он увидел то, что раньше пролетало мимо.

Содержание

Вне кадра	4
Я просто человек, который однажды наткнулся на чужую боль и чужую любовь. И понял, что это важно. Не для него. Для всех нас. Потому что таких историй много. Просто их не рассказывают. Просто их не слышат. Просто они остаются на форумах. В комментариях. В личных блогах. Где-то на периферии. Вне кадра.	4
Вне кадра Часть I. Полторы тысячи кадров	5
Глава 1. Фотоохота	5
Часть II. После	14
Глава 2. Трость	14
Глава 3. Электровеник	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юрий Краюшкин

Вне кадра

Вне кадра

Я просто человек, который однажды наткнулся на чужую боль и чужую любовь. И понял, что это важно. Не для него. Для всех нас. Потому что таких историй много. Просто их не рассказывают. Просто их не слышат. Просто они остаются на форумах. В комментариях. В личных блогах. Где-то на периферии. Вне кадра.

Вне кадра Часть I.

Полторы тысячи кадров

Глава 1. Фотоохота

В тот год я побил все свои рекорды по фотосъёмкам. Это не было осознанным решением. Это просто случилось. Как случается всё важное — незаметно, по нарастающей, пока однажды не оглянешься и не поймёшь, что живёшь в другом мире, чем год назад. Тогда, в начале того года, я ещё думал, что это просто увлечение. Хобби. Способ отвлечься от работы, от быта, от мыслей, которые не хотели думаться. Я не знал, что фотография станет моим способом дышать. И не знал, что однажды этот способ отнимут.

Каждые выходные я брал камеру и уходил. Или уезжал. Неважно. Главное — не сидеть дома. Дома было тихо, слишком тихо, и в этой тишине проступали вещи, о которых не хотелось думать. А с камерой всё было иначе. Камера давала фокус. Не только оптический — жизненный. Когда ты смотришь в видоискатель, мир сужается до прямоугольника. Всё лишнее отсекается. Остаётся только то, что важно. Кадр. Мгновение. Свет.

Фестивали, соревнования, праздники, просто «фотоохо-

та» — я не выбирал, куда идти. Я шёл туда, где что-то происходило. Где были люди, эмоции, движение. Где можно было поймать то, что длится долю секунды и исчезает навсегда. Улыбку ребёнка, который впервые видит клоуна. Пот на лбу бегуна за мгновение до финиша. Блик солнца на трубе уличного музыканта. Всё это было важно. Всё это было настоящим.

Я мог отснять полторы, а то и две тысячи кадров за день. Это было обычным делом. Утром — заряженные аккумуляторы, пустые карты памяти, термос с кофе. Вечером — уставшие ноги, красные глаза, но кайф. Настоящий. Я разбираю кадры ночью, сидя за компьютером, и каждый щелчок мыши был как маленькая победа. Вот этот — резкий. Вот этот — свет идеальный. А вот этот — брак, но в нём что-то есть. Что-то, что я не могу объяснить словами, но что заставляет меня смотреть на него снова и снова.

Фотоаппарат был продолжением руки. Я не думал: «Так, сейчас нажму кнопку». Я просто видел кадр — и он уже был в камере. Щёлк. Ещё щёлк. Мир распадался на прямоугольники, и в каждом было что-то важное. Я коллекционировал мгновения, как другие коллекционируют марки или монеты. Только моя коллекция не пылилась на полке. Она жила. Она дышала. Она была доказательством того, что я был здесь. Что я видел. Что я чувствовал.

Была в этом что-то от охоты. Не зря же говорят — «фотоохота». Ты отслеживаешь кадр. Ты ждёшь. Ты замираешь.

Ты нажимаешь. И вот — добыча. Только, в отличие от настоящей охоты, твоя добыча остаётся живой. Ты не убиваешь мгновение, ты его сохраняешь. Ты крадёшь его у времени, но не для того, чтобы уничтожить, а для того, чтобы показать другим. Смотрите. Это было. Это есть. Это будет.

Я помню один фестиваль. Лето, жара, толпа. На сцене — группа, которую я не знал. Играли что-то громкое, злое, но с мелодией. Я стоял в первых рядах, с камерой у лица, и ловил движение. Гитарист, худой, в чёрной футболке, мокрой от пота. Он играл так, будто от этого зависела его жизнь. И, может, зависела. Я снимал его руки, его лицо, его пальцы на грифе. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Я не думал о композиции. Я просто чувствовал. А потом он посмотрел в объектив. Прямо в объектив. И я нажал. Один раз. И этот кадр потом был лучшим за весь день. Может, за весь год. Потому что в нём была не просто музыка. В нём была ярость и нежность одновременно. В нём была жизнь.

Раз в месяц — пейнтбольный полигон. Там я отдыхал по-другому. Не через объектив, а через адреналин. Маска, маркер, пульки, синяки. Больно, но азартно. Ты бежишь, стреляешь, прячешься. Тело работает. Мышцы гудят. После игры — пиво с друзьями, смех, истории. Казалось, так будет всегда.

Пейнтбол был противоположностью фотографии. Там ты не наблюдал. Ты участвовал. Ты был в кадре, а не за кадром. Ты чувствовал пульки на спине, грязь под ногами, ветер в ли-

цо. Ты был живым. По-настоящему. Не через видеоискатель, а всем телом. Я любил это чувство. Любил его так же, как любил фотографию. Две стороны одной монеты. Наблюдать и участвовать. Смотреть и жить. Я думал, что могу делать и то, и другое. Думал, что так будет всегда.

Первое, что я заметил, — усталость. Не обычная, к вечеру, а какая-то ватная. Вроде и день не тяжёлый, а ноги свинцовые. Я списал на возраст. Ну, как возраст — мне было тридцать с небольшим. «Старею», — думал я. И жрал больше. Думал, голодный. Думал, мало сплю. Думал, всё пройдёт. Всё всегда проходит. Так я тогда думал.

Усталость приходила волнами. То отпускала, то накатывала снова. Я не придавал этому значения. Усталость — это нормально. Усталость — это часть жизни. Ты работаешь, ты устаёшь, ты отдыхаешь. Круг замкнулся. Всё правильно. Всё логично. Я не видел, что логика ломается. Не хотел видеть.

Потом лестница. Не крутая, обычная. Метров пять вверх. Я поднимался и чувствовал, что каждый шаг — как в гору с рюкзаком. Сердце не частило, дыхание не сбивалось. Просто ноги не хотели. Я останавливался, переводил дух, шёл дальше. Списывал на усталость. На то, что мало сплю. На то, что много снимаю.

Лестница была моим первым настоящим звоночком. Но я его не услышал. Или услышал, но решил, что это не мне. Что это кому-то другому. Что это старость, которая ещё не моя. Я стоял на этой лестнице, держался за перила, смотрел

на ступени, которые остались внизу, и думал: «Что-то я разленился». Разленился. Смешно. Я, который мог бегать с камерой по десять часов без перерыва, разленился.

Оно не проходило. Но и не усиливалось особо. Так, фон. Мешало, но не пугало. Я жил дальше. Снимал, играл в пейнтбол, строил планы. Планы были грандиозные. Я хотел поехать на Байкал, снять зимний лёд. Хотел сделать выставку — «Городские лица», портреты людей, которых встречал на улицах. Хотел купить новый объектив, светосильный, чтобы снимать в темноте. Хотел, хотел, хотел. Я не знал, что скоро перестану хотеть. Не потому, что желания исчезнут. А потому, что они станут другими.

Я помню, как однажды на съёмке понял, что просто не могу ходить. Это был фестиваль, большой, многолюдный. Я приехал утром, чтобы поймать рассветный свет. Снимал палатки, волонтеров, первых посетителей. Всё было хорошо. А потом вдруг ноги отказали. Не совсем — я мог стоять, мог даже делать шаги. Но каждый шаг был как подвиг. Как будто я шёл по песку, который затягивает. Я нашёл лавочку, сел. Посидел минут двадцать. Вроде прошло. Встал, пошёл. Через час — снова. И снова. Я снимал, сидя. Снимал людей, которые проходили мимо. Это было странно — смотреть на мир снизу вверх. Но я справился. Я всегда справлялся.

Потом подъём по лестнице стал проблемой. Я жил на четвёртом этаже. Без лифта. Каждый раз, поднимаясь домой, я считал ступени. Один, два, три... Сто двадцать три ступе-

ни. Раньше я не замечал их. Теперь каждая была событием. Я останавливался на площадках между этажами, делал вид, что смотрю в телефон. На самом деле я просто переводил дух. Я не хотел, чтобы кто-то видел, как мне тяжело. Я не хотел признаваться даже себе.

А потом наступил день X.

Я должен был ехать в другой город. Приятель настойчиво звал: посмотреть, потусить, поснимать. У него был день рождения, и он хотел, чтобы я приехал. Я согласился. Купил билеты. Собрал сумку. Вечером залез в ванну — расслабиться перед дорогой.

Вода тёплая. Пена. Хорошо.

Я лежал, закрыв глаза, и думал о завтрашнем дне. О поезде, о городе, о съёмке. Думал о том, какие кадры хочу сделать. Думал о приятеле, которого не видел год. Думал о том, что соскучился. Думал о том, что жизнь идёт. Идёт, несмотря ни на что. Несмотря на усталость, на лестницы, на странные звоночки, которые я не хотел слышать.

Полежал минут двадцать. Пора вылезать. Я опёрся руками о бортики, подтянулся... и понял, что не могу.

Ноги отнимаются. Руки не слушаются. Я тупо не мог толком пошевелиться. Тело как чужое. Я лежал в тёплой воде и смотрел на свои колени, которые не хотели сгибаться. Попробовал ещё раз. Ноль.

Страх пришёл не сразу. Сначала — злость. «Да ладно, — сказал я себе. — Ты просто устал. Расслабься. Ещё раз».

Ещё раз. Ещё раз. Ещё.

Я вылезал из ванной минут двадцать. На силе воли. На злости. На чём-то ещё, что живёт в глубине, когда очень надо. Перевалился через бортик, упал на пол. Лежал на кафеле, голый, мокрый, и смотрел в потолок.

«Что это было?»

Я лежал на полу ванной и слушал, как капает вода из крана. Кап. Кап. Кап. Звук был громким, как выстрел. Я считал капли. Досчитал до ста. Потом ещё до ста. Потом сбился. Мне было холодно. Мне было страшно. Но больше всего мне было стыдно. Стыдно, что я лежу на полу, голый, беспомощный, и не могу встать. Я, который всегда был сильным. Я, который всегда справлялся. Я, который думал, что так будет всегда.

Ночь я отлежался. Утром вроде стало полегче. Не хорошо, но терпимо. Я мог ходить. Медленно, но мог. Руки слушались. Ноги двигались.

Я отменил все планы. Позвонил приятелю, соврал что-то про простуду. Он не поверил, но не стал настаивать. Мы попрощались. Я положил трубку и сел на кровать. В комнате было тихо. Слишком тихо. И в этой тишине я впервые за долгое время услышал себя. Не свои мысли, не свои желания, не свои планы. А себя. Настоящего. Который боялся.

Я рванул в областную больницу. Не в поликлинику по месту жительства, а сразу в областную. Что-то внутри уже знало: шутки кончились.

Врач попался толковый. Молодой, но с глазами, которые много видели.

— Подозрения есть, — сказал он, глядя не на меня, а на снимки, которые я привёз. — Очень чёткие подозрения. Но нужно МРТ.

— Что за подозрения?

— Дождитесь МРТ.

Я не стал настаивать. Я почему-то знал, что он прав. Что ждать — это единственное, что остаётся. Ждать и надеяться. Или не надеяться. Или просто ждать.

Через два дня я лежал в трубе. Грохот, вибрация, замкнутое пространство. Я думал о том, что если сейчас что-то найдут, то жизнь изменится. Если не найдут — тоже изменится. Но по-другому. Я лежал и слушал, как машина делает свою работу. Она не думала обо мне. Она просто снимала. Слойми, срезами, проекциями. Она видела меня насквозь. И я не мог ничего скрыть.

МРТ без контраста. Почти полтора десятка очагов. Я не медик, но даже мне эти белые пятна на чёрном фоне показались слишком яркими. Слишком много. Слишком неправильно.

Снова поход к врачу. Предварительное заключение. Слова, которые я слышал впервые, но которые уже звучали как приговор. Рассеянный склероз. Рас-се-ян-ный скле-роз.

— Это не приговор, — сказал врач. — С этим живут. Долго. Но придётся кое-что поменять.

Я кивнул. Я не знал, что сказать. Я не знал, что думать. Я не знал, как жить дальше. Но я знал, что буду жить. Потому что выбора не было. Потому что я ещё не был готов сдаться. Потому что где-то глубоко внутри ещё горел огонь. Маленький, слабый, но живой.

Завертелась история с подтверждением диагноза. Врачи особо не тормозили. Вся история с исключениями, обследованиями, двумя госпитализациями уложилась в пять месяцев.

Пять месяцев между «до» и «после».

Пять месяцев, за которые я успел испугаться, разозлиться, смириться и начать сначала. Пять месяцев, за которые я понял, что жизнь не заканчивается. Она просто становится другой. Не хуже, не лучше. Просто другой. И в этой другой жизни тоже есть место для счастья. Просто оно выглядит иначе. Не как тысяча кадров в день. А как один кадр. Самый важный. Тот, который ты не снял, но который остался в тебе навсегда.

Часть II. После

Глава 2. Трость

Трость я купил через полгода после диагноза.

До этого ходил без неё. Вернее, ковылял. Держался за стены, за перила, за плечо жены. Жена тогда ещё была не жена, а просто женщина, которая согласилась пойти со мной в больницу. Она держала меня под руку, и я делал вид, что это просто жест вежливости. Что я не нуждаюсь в опоре. Что я всё ещё тот, кто может бегать с камерой по десять часов.

Я врал. Себе. Ей. Всем. Врач сказал: «Вам нужна трость». Я сказал: «Обойдусь». Он посмотрел на меня и не стал спорить. Он видел таких, как я. Гордых. Упрямых. Которые думают, что трость — это капитуляция. Что если взять её в руки, то ты признаёшь, что болен. Что ты слабый. Что ты не справился.

Я продержался полгода. Полгода падений, синяков, содранных коленей. Полгода злости на весь мир. Полгода отрицания. А потом упал на улице. Просто шёл, споткнулся о собственную ногу — и упал. На глазах у людей. Молодая женщина помогла мне встать, спросила, всё ли в порядке. Я сказал: «Да, спасибо, всё хорошо». И пошёл дальше. А вечером заказал трость в интернете.

Она пришла через неделю. Чёрная, складная, с блестящим наконечником. Я развернул упаковку, посмотрел на неё. Красивая. Стильная. Не похожа на больничную. Не похожа на старость. Похожа на аксессуар. Я взял её в руку. Попробовал шагнуть. Тело сразу стало другим. Устойчивым. Уверенным. Я больше не боялся, что упаду. Я знал, что опора есть. Всегда. Под рукой.

Первое время я стеснялся. На улице казалось, что все смотрят. В кафе — что официанты жалеют. В метро — что кто-то уступит место, и это будет унижительно. Я старался ходить быстро, чтобы никто не успел разглядеть. Старался держать трость так, будто это не трость, а просто палка. Модная. Стильная. Такая, знаете, для образа.

Потом привык. Трость стала частью меня. Как раньше — фотоаппарат. Я не выходил из дома без неё. Она была моим продолжением. Моей третьей ногой. Моей страховкой. Моей опорой. И, что странно, она меня успокаивала. Когда я держал её в руке, я знал: я справлюсь. Не потому, что я сильный. А потому, что у меня есть то, что меня держит.

Жена говорила: «Ты стал спокойнее». Я говорил: «Это трость». Она смеялась. Она всегда смеялась над моими шутками, даже когда они были несмешными. Особенно когда они были несмешными.

С фотографией я завязал почти сразу. Не потому, что не мог нажимать кнопку. Мог. Но не мог ходить. Не мог стоять часами. Не мог ждать кадр. Фотография — это не только

кнопка. Это ноги. Это спина. Это выносливость. Это готовность идти, бежать, лазить, ждать. У меня этого больше не было. Осталась только камера в шкафу. И память.

Иногда я достаю её. Не чтобы снимать — чтобы подержать. Она тяжёлая. Холодная. Пахнет пластиком и старой пылью. Я нажимаю кнопку. Щёлк. Затвор работает. Но кадра нет. Плёнки нет. Только звук. Звук прежней жизни. Щёлк. Щёлк. Я слушаю его, как музыку. Как старую песню, которая когда-то была твоей, а теперь просто фон.

Пейнтбол тоже закончился. Врач сказал: «Исключено». Я сказал: «Почему?» Он сказал: «Потому что это травмоопасно. Потому что нагрузки. Потому что перегрев. Потому что вы не можете позволить себе ещё один очаг». Я кивнул. Я понял. Я не спорил. Снаряга ушла в кладовку. Маска, маркер, перчатки, защита. Всё это пылится там. Я иногда открываю дверь, смотрю на них. Пахнет старым потом и адреналином. Закрываю. Иду дальше.

Осталось одно увлечение — история оружия.

Это началось случайно. Я лежал в больнице, после второй госпитализации. Скучно. Телефон разряжен. Книг нет. Я взял с тумбочки журнал, который кто-то оставил. Это был журнал про оружие. Я открыл его и залип. Не на картинки — на историю. На то, как люди придумывали убивать друг друга. Как эволюционировали мечи, арбалеты, пистолеты, винтовки. Как одно оружие сменялось другим. Как прогресс шёл рука об руку с насилием.

Я читал и думал: а ведь мы всё равно умудряемся любить. Парадокс. Человек придумывает оружие, чтобы убивать. И одновременно придумывает любовь, чтобы жить. Две силы. Две стороны одной монеты. Я не знаю, почему это меня зацепило. Может, потому что это было про борьбу. Про выживание. Про то, что даже в самой тёмной истории есть место для света.

Я начал читать книги. Статьи. Смотреть документалки. Я узнал, как делали самурайские мечи. Как стреляли из мушкетов. Как работали первые пулемёты. Я не стал экспертом. Я не стал коллекционером. Я просто нашёл тему, которая меня держала. Которая не требовала ног. Которая не требовала выносливости. Только головы. Только интересы. Только времени.

Жена говорила: «Ты стал historian». Я говорил: «Я стал инвалидом с хобби». Она смеялась. Она всегда смеялась.

Мы поженились через год после диагноза. Не потому, что она пожалела. Не потому, что я нуждался в сиделке. А потому, что мы любили друг друга. Просто. Без условий. Без жалости. Без «несмотря на». Просто любили. И хотели быть вместе. Всё.

Она — мой подарок по жизни. Я не знаю, как это объяснить. Как объяснить, что человек, который мог бы найти кого-то здорового, успешного, без трости — выбрал меня. Меня, с очагами на МРТ. Меня, с ограничениями. Меня, с тростью. Она выбрала меня. И я до сих пор не понимаю, за что.

Но я благодарен. Каждый день. Каждую минуту. За то, что она рядом.

Дочь родилась через два года. Умный электровеник, егоза и симпатяжка. Она бегают по квартире, задаёт тысячу вопросов, смеётся. Она не знает, что я больной. Для неё я просто папа. Папа, который ходит с палкой. Папа, который не может бегать. Папа, который любит её больше всего на свете.

Я не могу за ней угнаться. Она бежит — я иду. Она прыгает — я стою. Она кричит: «Папа, догоняй!» — а я улыбаюсь и говорю: «Я догоню. Только медленно». Она смеётся. Она не понимает. Но она счастлива. И этого достаточно.

Иногда я думаю: а что было бы, если бы не диагноз? Была бы у меня жена? Была бы дочь? Была бы эта жизнь? Я не знаю. Может, была бы другая. Может, лучше. Может, хуже. Я не знаю. Я знаю только одно: у меня есть то, что есть. И это не так уж мало.

Казалось бы, всё плохо. Но это далеко не так.

Я не могу снимать. Но я вижу. Я не могу играть в пейнтбол. Но я помню. Я не могу бегать. Но я хожу. Медленно. С тростью. Но хожу. Я не могу делать тысячу кадров в день. Но я могу сделать один. Самый важный. Тот, который останется. Тот, который не смажется.

Так что не всё потеряно.

Глава 3. Электровеник

Она родилась в марте.

Я помню этот день до секунды. Помню, как жена схватила меня за руку и сказала: «Пора». Помню, как я вскочил, схватил сумку, которую мы собрали заранее, и заметался по квартире, не понимая, что делать. Трость я забыл. Оставил в коридоре. Жена потом смеялась: «Ты без палки быстрее меня бегал». Я не помню, как мы доехали. Помню только, что держал её за руку и считал светофоры. Красный. Жёлтый. Зелёный. Красный. Жёлтый. Зелёный. Как кадры. Как вспышки. Как жизнь.

В роддом меня не пустили. Тогда ещё было нельзя. Я сидел в коридоре, на неудобном стуле, и смотрел на дверь. Часы шли. Люди входили и выходили. Врачи, медсёстры, другие отцы. Я сидел. Ждал. Держал трость обеими руками, как будто она могла меня спасти. Как будто она была моей единственной опорой в этом мире, где всё решалось без меня.

Потом вышла медсестра. Улыбнулась. Сказала: «Поздравляю, у вас девочка». Я встал. Ноги дрожали. Не от болезни — от счастья. Я не помню, что сказал. Помню только, что улыбался так, что щёки болели. И ещё помню, что забыл про трость. Она осталась на стуле. Я сделал шаг без неё. И не упал. Наверное, адреналин. Наверное, счастье. Наверное, что-то ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.